

Алиева В.Н.

УДК 811'362'366[(.161.1+.512.145)]

**ПОСЛЕЛОГИ И ПРОИЗВОДНЫЕ ПРЕДЛОГИ, ВЫРАЖАЮЩИЕ
ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ)**

Постановка проблемы. Объектом настоящей работы является система пространственно-временных производных предлогов и послелогов современного русского и крымскотатарского языков.

Это русские предлоги, образованные путем диахронной трансформации от наречий и имен существительных, а также крымскотатарские отыменные и отглагольные послелого.

Целью данного исследования является выявление особенностей пространственно-временного восприятия мира носителями русского и крымскотатарского языков путем описания пространственных и временных производных предлогов, а также послелогов.

Данная цель определила следующие задачи:

- рассмотреть некоторые аспекты изучения предлогов и послелогов;
- рассмотреть категории пространственности и времени, чтобы определить место и роль производных предлогов и послелогов в выражении пространственных и временных отношений в языке.

Научная новизна работы заключается в том, что исследуемые предлоги и послелого рассматриваются с позиций комплексного подхода в функциональном ракурсе, что позволяет осуществить анализ способов пространственной и временной концептуализации объектов носителями русского и крымскотатарского языков.

Методологической основой нашего исследования послужили работы в области лексической семантики, представленные трудами таких ученых, как В.Г. Гак, В.В. Виноградов, Г.Е. Крейдлин, Т.В. Строева и др.

Русские предлоги в лингвистической литературе стали объектом изучения известных исследователей (см. работы И.Г. Выхованца, И.Н. Ермоленко, Н.А. Каламовой, Ю.Г. Скибы, Е.Т. Черкасовой и др.).

Тюркологами также проделана большая работа по изучению категории послелогов (см. работы Н.А. Баскакова, Н.К. Дмитриева, Ф.Р. Зейналова, А.Н. Кононова, А.А. Кокляновой, Т.М. Тоцаковой, Х.- М.И. Ходжилаева и др.).

Обращение к предлогам и послелогам в русле актуальной проблемы диахронной трансформации важно в нескольких отношениях: оно позволяет глубже изучить пласт служебной лексики, охарактеризовать ее количественный и качественный состав, показать роль предлогов и послелогов в росте аналитических средств языка, что в целом необходимо для понимания работы всего языка.

Пространство и время – это важнейшие лингвистические категории, при помощи которых люди, относящиеся к разным культурам, воспринимают мир. Языковая интерпретация этих понятий переводит их в разряд базовых концептов.

Пространство и время, отраженные в языковом сознании, не совпадают с физическим пространством и реальным временем, поскольку существуют в другом измерении – лингвистическом; это, главным образом, представление о данном пространстве и времени, особый способ их восприятия.

В русском и крымскотатарском языках закреплены определенные представления о пространственных и временных характеристиках различных объектов.

В.М. Всеволодова и Е.Ю. Владимирский отмечают: «Пространственные отношения в самом общем виде есть соположение в пространстве какого-либо предмета, действия (события), признака и некоторого пространственного ориентира (локума).

Локум - это пространство или предмет, относительно которого определяется местонахождение предмета (действия, признака) и характер их взаимоотношений (статистический, динамический)» [3, с.6]

Пространственные отношения разнообразны по оттенкам значения и формам выражения. Прежде всего, их можно разделить на две группы, в которых выделяем направление и место. Первые отвечают на вопросы где? в каком месте?; вторые – куда? откуда? с какого места?

По наблюдениям М.В. Всеволодовой и Е.Ю. Владимирского, сема статистичности – это «неизменное по отношению к локуму пространственное расположение предмета, что находит наиболее яркое выражение в отношениях местонахождения, сема динамичности предполагает изменение сорасположения предмета и локума (удаление, приближение, прохождение)»... [Там же, с.18].

Эти оппозиции еще М.В. Ломоносов определил формулой где-куда-откуда [6, с.149].

Учитывая трехмерность пространства, большинство пространственных конструкций в русском языке (исходя из их семантики) обычно располагают по двум осям: горизонтальной и вертикальной. На горизонтальной оси размещаются пространственные конструкции со значением местонахождения, на вертикальной – со значением направления.

Для пространственных конструкций важным компонентом является сопостранственность, расстояние между предметами, удаление или приближение их друг к другу.

Для сравнения отметим, что в тюркских языках (в том числе и крымскотатарском языке) иногда используют в качестве основания для классификации так называемых служебных имен пространственной ориентации признаков совпадения или несовпадения смежных плоскостей. Как справедливо пишет А.М. Щербак, тюркские послелого «разграничиваются не по степени примыкания смежных плоскостей («непосредственно за домом», «подалее от дома»), а по характеру передаваемых ими пространственных значений» [10, с.34].

В крымскотатарском языке не наблюдается разграничения ближнего и дальнего планов (сравните русское на и над), поэтому один и тот же послелог может передавать разную «степень примыкания» к предмету: артында «за», «позади» (непосредственно и на некотором расстоянии); тышында «вне», «снаружи».

Итак, следует иметь в виду, что система значений, определяющих характер пространственных отношений в разных языках, своеобразна и по-своему специфична. «...Ни одна грамматика не выражает всех возможных деталей взаимоотношений между предметами материального мира. Язык может выражать результаты познания человеком окружающего мира всей совокупностью своих средств. Поэтому логическое мышление и общая совокупность средств языка является всеобъемлющими, грамматика же избирательна» [8, с. 73].

Как показывают наши наблюдения, наибольшее количество производных предлогов, выражающих пространственные отношения в русском языке, отадвербиального происхождения (около, мимо, возле, вдоль, вслед и под).

При помощи отсубстантивных предлогов, как правило, передаются пространственные отношения, конкретизирующие местонахождение предмета внутри какого-либо предмета или на его поверхности, в определенном месте одной из координат: впереди-позади, слева-справа, сверху-снизу, а также называются соответствующие направления.

Например, производный предлог в *направлении*: процесс утраты категориального значения предметности («действие по значению глагола «направлять») был связан с преодолением тех ограничений, которыми сопровождалось употребление формы предложного падежа слова *направление* в сочетании с предлогом *в* (в направлении) для выражения пространственных отношений.

При определенных условиях становится возможным развитие новых, необычных для имени существительного *направление* синтаксических и смысловых связей. Реализация этих возможностей связана со сближением сочетания *в направлении* с предлогом *в*. Поскольку сочетание *в направлении* из-за лексического значения его именного компонента может соединяться только с глаголами направленного действия, возникает сложное взаимодействие между содержанием сочетания и семантикой слова *направление*.

В связи с этим предлог *в направлении* по характеру выражаемого значения сближается с содержанием винительного падежа с предлогом *в*. Сравните: *идти в каком-нибудь направлении* - *идти в город*. Данные конструкции выражают значение: «действие и сторона, в которую оно направляется» (а не «действие и место, в пределах которого совершается действие») [9, с.264].

Этим открывается путь для употребления слова *направление* (в той же форме и в том же значении) в условиях двусторонних синтаксических связей, то есть в таких условиях, когда сочетание *в направлении* связано не только с глаголом, но и с зависимым именем, называющим не субъект действия, а предмет или лицо как место, как пространственный ориентир, в сторону которого устремлено действие (обычно – направленное движение): *идти в направлении деревни*.

Данная система выражения пространственных отношений является специфически русской. В лексико-синтаксической категории носителями значений являются не слова как лексемы, а синтаксические формы слов, как пишет Г.А. Золотова [5, с.54].

В современном русском языке система пространственных значений шире значений временных. Это объясняется, вероятно, трехмерностью пространства и однонаправленностью времени.

В лингвистике пространственно-временная связь проявляется по-разному. Одним из доказательств, свидетельствующих о тесной связи этих категорий, по нашему мнению, является функционирование предлога *около*. Исходная форма- наречие *около* – существует только в пространственном значении, трансформант-предлог *около* имеет три значения: пространственное (остановиться *около* моста); временное (продолжаться *около* года); количественное (купить *около* пяти килограммов фруктов). [Сравните с примерами из крымскотатарского языка, где эта тенденция проявляется очень ярко: эв *алдында* – перед домом, эки саат *алдында* – за два часа до чего либо].

Имя существительное *время*, является наиболее обобщенным обозначением временных понятий. Сочетание *во время* в качестве предлога выступает в конструкциях, выражающих определенный оттенок временных отношений. В этих конструкциях в качестве зависимого компонента могут употребляться только существительные со значением действия (главным образом - отглагольные):

- Оба эти варианта были задуманы Остапом *во время* его *пребывания* в Москве [И.,П., с.36].
- *Во время проскомидии* читаются на клиросе часы 3-й, 6-й, а иногда 9-й [С.ф., с.95].

Понятие времени оказывается более поздним, вероятно, потому, что время не может быть воспринято чувственно; это понятие абстрактное, интеллектуализованное. К понятию времени человек шел от понятий движение и пространство [2, с.16].

Послелого крымскотатарского языка отличаются своей спецификой и характером передаваемых ими значений. Исходя из генетических и морфологических признаков послелогов мы выделим: 1) послелого древнего происхождения (собственно послелого); 2) послелого более позднего происхождения. Дату локализации послелого установить трудно, но замечено: чем он древнее, тем полисемантичнее; послелого более позднего образования, как правило, моносемантичны. Например, послелог *таба* – «к», «по направлению к», «в сторону» - в сочетании с дательным-направительным падежом выражает пространственные отношения. Происхождение этого послелого Н.К. Дмитриев связывает с деепричастием от глагола *находить* [4, с.125]. Как пишет А.М. Щербак, «при этом происходит отбор по определенным семантическим признакам, обеспечивающим возможность развития грамматических отношений» [10, с.60].

Существует и другая точка зрения по вопросу происхождения послелого *таба*. По мнению А.Г. Магомедова, послелог *таба* восходит к *табан/таман* [7, с.22].

ПОСЛЕЛОГИ И ПРОИЗВОДНЫЕ ПРЕДЛОГИ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ)

В исследовании тюрколога Г.А. Абдурахманова по старотюркскому синтаксису XI в. Данный послелог функционирует в двух видах: *таба-табару* и «выражает направление действия» [1, с.45].

В сочетаниях с именами существительными и местоимениями в современном крымскотатарском языке данный послелог чаще всего обозначает направление:

- Мен къашкъыргъа *таба* чаптым (Йыл.). – Я кинулся в сторону волка.

В зависимости от лексического содержания предшествующего послелогу *таба* слова данное сочетание может выражать приблизительное время совершения действия, особенно если предыдущее слово является наречной формой:

- Лякин дженкнинь ахырына *таба*, душман топрагъында минагъа огърап, саг аягъындан айырылды (Йыл.). - Однако к концу войны, попав под мину на вражеской земле, он лишился левой ноги.

Таким образом, послелог *таба*, являясь древнейшей тюркской формой, наиболее ярко проявляет особенности данного разряда слов: он неизменяем, к нему не присоединяются какие бы то ни было аффиксы; это однозначный послелог, выражающий пространственные отношения из которых развились временные.

Рассмотрим послелог *бою*, выражающий пространственные отношения. Он сочетается с именами типа *ялы* – «берег», «*дере*» - горная долина и соответствует русскому «вдоль», «по», «на протяжении».

- Татлы, къокъулы, аджайип ялы бою юзюмлери кутюклерде толып къала эди (Йыл.) – Кусты были усыпаны сладким, душистым, прекрасным виноградом побережья.

Сочетаясь с именами временной семантики, этот послелог выражает продолжительность действия: «в продолжение», «на протяжении»: - Инсаниет тарихында *асырлар бою* олып кечкен адиселер (Йыл.) – События, произошедшие в истории человечества на протяжении веков.

Наблюдения над послелогам и предлогами позволили нам сделать следующие выводы.

В современном русском и крымскотатарском языках имеется большое количество производных предлогов и послелогов, с помощью которых можно передавать тончайшие оттенки мысли.

Наибольшие возможности выбора представлены в системе предлогов, передающих пространственные и временные отношения. Это связано, во-первых, с тем, что пространство и время являются формами существования всего живого; во-вторых, с тем, что пространство можно передавать дифференцированно в силу его устройства: оно трехмерно в условиях Земли, имеет длину, ширину, высоту.

Выводы и перспективы. На наш взгляд, изучение предлогов русского языка и послелогов крымскотатарского языка имеет научное и практическое значение: оно важно для лексикографической практики, преподавания языков, а также переводческой работы.

Условные сокращения:

И.,П. – Ильф И. Двенадцать стульев / И. Ильф, Е. Петров. – Одесса : Маяк, 1990. – 238 с.

С. ф. – Средневековая философия. – М. : Высш.шк., 1979. – 448 с.

Йыл. – журнал «Йылдыз». – Симферополь, 2000.

Источники и литература:

1. Абдурахманов Г. А. Послеложная конструкция / Г. А. Абдурахманов // Исследования по старотюркскому синтаксису. – М. : Изд-во АН СССР, 1967. – С. 39-46.
2. Ардентов Б. П. Выражение времени в русском языке : лекции по спецкурсу / Б. П. Ардентов. – Кишинев : Штиинца, 1976. – 128 с.
3. Всеволодова М. В. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке / М. В. Всеволодова, Е. Ю. Владимирский. – М. : Рус. яз., 1982. – 261 с.
4. Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка / Н. К. Дмитриев. – М., Л. : Изд-во АН СССР, 1948. – 276 с.
5. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1973. – 351 с.
6. Ломоносов М. В. Труды по филологии. 1739-1758 гг. : т. 7 / М. В. Ломоносов. - М., Л. : Изд-во АН СССР, 1952. – 995 с.
7. Магомедов А. Г. Собственно послелог и послелог – изолированные формы имен, глаголов и наречий в современном кумыкском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. Г. Магомедов. – Махачкала, 1963. – 30 с.
8. Серебренников Б. А. Причины устойчивости агглютинативного строя и вопрос о морфологическом типе языка / Б. А. Серебренников // Морфологическая типология и проблема классификации языков. – М., Л. : Наука, 1965. – С. 8-26.
9. Черкасова Е. Т. Изменения в составе предлогов / Е. Т. Черкасова // Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. – М. : Наука, 1964. – 276 с.
10. Щербак А. М. Служебные части речи. Послелог / А. М. Щербак // Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (наречие, служебные части речи, изобразительные слова). – М. : Наука, 1987. – С. 50-92.